

Нине Андреевой было три года, когда в белорусскую деревню Копки ворвались немцы

В БОЛОТАХ СМЕРТИ

НА РУКАХ МАТЕРИ – шестеро детей: два сына и четыре дочки.

Старшего Владимира уже угнали в Германию. Мать с детьми сначала жила в своем доме. Когда кушать стало нечего, пошли по миру, по деревням. Нина Андреева плохо помнит, как они оказались посреди огромного болота, где скопилось множество людей. Кто сидит, кто лежит, кому помочь уже не требуется. Неприкаянно-одиноко бродят маленькие дети.

Это – концлагерь «Озаричи», открытая болотистая площадь, обнесенная колючей проволокой, подступы к которой заминированы. В марте 1944 года командующий девятой армии генерал танковых войск Харце приказал создать у переднего края немецкой обороны три концентрационных лагеря. Один из них находился на болоте у поселка Дерт, второй – в двух километрах северо-западнее местечка Озаричи, третий – у деревни Подосинник в болоте. Эти три лагеря, в которых содержали около 50000 советских граждан, и получили название «Озарический лагерь смерти».

Никаких построек здесь не было, ни шалашей, ни землянок. Узники зимой и летом лежали прямо на земле, так как хворост для подстилки брать не разрешалось. Охрана расстреливала любого, кто пытался развести костер и обогреться. Иногда фашисты подвозили

RU.WIKIPEDIA.ORG

мерзлый хлеб и бросали через ограждение в людей. Мама, Лидия Васильевна, давала детям по крохотному кусочку, чтобы сохранить хлеб подольше...

Умерла мама и сестра Клавдия, не дождавшись освобождения советскими войсками. Озарических узников освобождала 65-я армия генерала Батова. Вот как вспоминал он об этом в своей книге «В походах и боях»: «На правом фланге противник не предпринимал больше активных действий. Но здесь свирепствовал другой враг – сыпной тиф. Разведчики

донесли комдиву, что в окрестностях, на болоте, они видели лагеря: колючая проволока, за ней на холоде, без всяких укрытий – женщины, ребята, старики. Командир дивизии Ушаков послал несколько подразделений отбить страдающих людей, пока их не постреляли фашисты. Но немецко-фашистское командование не дало приказ уничтожить заключенных. Оно ждало другого. Русские солдаты бросаются к замерзающим женщинам, обнимут детишек, и тогда поползет в ряды наступающих

советских войск тифозная вошь... Все загнанные в лагеря близ переднего края люди были заражены сыпным тифом. Злодеяния фашистов концлагеря «Озаричи» не имели аналогов в ряду преступлений против мирного советского населения, человечества в целом. Здесь оккупанты применили биологическое оружие – эпидемию сыпного тифа».

После освобождения заключенных болезнь распространилась и на солдат 19-го корпуса, которые принимали активное участие в спасе-

нии узников. Тиф стал поражать также и жителей населенных пунктов, в которых дислоцировались госпитали. В деревне Старые Новоселки есть братская могила, в которой захоронено 230 воинов. Как утверждают старожилы, большая часть солдат умерла от тифа.

Страшную картину представляли собой освобожденные концлагеря и сами узники. Член правительства Белоруссии Грекова, вернувшись из концлагеря, свидетельствовала: «Всех детей эвакуировали. Осталось около ста

больных женщин. Вы не можете представить этого ужаса. На болоте колючая проволока. Кругом мины. Люди в бреду, с температурой сорок градусов на обледенелой земле...

Именно картина обледенелой земли вспоминается Нине Петровне: сидит мама и держит на коленях детей, пытаясь спасти их от неминуемой смерти...

Оставшихся в живых, взрослых и детей, солдаты несли завернутыми в шинели или одеяла, отправляли на карантин, затем по госпиталям. Нина выросла в детском доме город Бреста, где прожила десять лет. И послевоенная ее жизнь была нелегкой. Лучший подарок для детдомовцев – хлеб и сахар. «Однажды, – с горькой улыбкой вспоминала Нина Петровна, – мы взбунтовались, так как вместо любимых всеми и привычных «подушечек» нам дали по коробке зефира».

В середине 50-х годов она по направлению детдома приехала в Магнитогорск, закончила училище швейников. 34 года проработала потом на Магнитогорской швейной фабрике, стала мастером, вышла замуж, вырастила сына.

Дважды Нина Петровна побывала на месте того страшного концлагеря. Теперь там памятник из трех стелл, на которых высечены имена женщин, детей, старииков. На постаменте – венки и живые цветы в память о девяти тысячах заключенных, навеки оставшихся в «Озаричах».

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед.

УЗНИКИ

«Живой заслон»

УЗНИКОВ использовали в качестве «живого заслона» от наступающей Красной Армии.

На долю Феодосия Игнатьевны Грязновой, ветерана труда Магнитогорского хлебокомбината «Ситно», выпало подростком быть узницей фашистских лагерей смерти. Ее детская память до мельчайших подробностей сохранила события тех военных лихих дней...

В конце июня 1941 года в Витебске появились первые немецкие военные части. Тут же во дворах и на газонах размещали фашисты свою технику: танки, зенитки, мотоциклы. «Помню четырех немцев, поселившихся в нашем доме. Они постоянно требовали кипятка или горячей воды; громко разговаривали и смеялись. Спали тут же на полу, постелив солому. Фашисты останавливались у местных жителей отдохнуть перед отправкой на передовую.

Осенью 1943 года жителям Витебска приказали построиться рядом с домами. Уже после войны нам стало известно, что фашисты планировали уничтожить Витебск и ближайшие населенные пункты, превратив их в «зону смерти». Женщин, старииков и детей на грузовиках перевезли в казармы бывшего 5-го полка. Говорили, что здесь находились военнопленные, расстрелянные где-то неподалеку.

«День в лагере, – делилась пережитым Феодосия, – начинался с построения и утренней переклички. Физически крепких взрослых и детей постарше отправляли на тяжелые изнурительные работы. В мае 1944 года несколько тысяч узников лагеря перебросили в район Богушевска. Многих из них использовали в качестве «живого заслона» от наступающей Красной Армии.

Однажды ночью снова приказали невольникам готовиться к отъезду. Люди прощаются друг с другом, думая, что их ведут на расстрел. «Нас довели до какой-то железнодорожной станции, погрузили в составы и под замком – в неизвестном направлении. Так мы оказались в новом лагере смерти под открытым небом – Барановичах.

Ночью 3 июня 1944 года немецкая охрана бежала. Утром на вышках мы не увидели часовых, не слышно было и немецкой речи. Издалека все яснее доносилась канонада и гул тяжелой техники. Первый день свободы прошел в томительном ожидании. Когда окончательно стемнело, смельчаки раздвинули проволоку, и лагерь смерти опустел. «Шли в темноте, – завершала рассказ Феодосия, – перед рассветом встретили первых советских солдат. Радости – не передать»...

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ.

По советской земле вели нас овчарки...

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

ВОЙНА И ДЕТСТВО – понятия несовместимые. Втройне – на принудительных оккупационных работах. Вспоминает ветеран труда Мария Ивановна Маркелова, которой в годы войны исполнилось только 14 лет.

«Осенью 1941 года немцы на танках ворвались в нашу деревенку. По улочкам стали рыскать автоматчики и полицаи в поисках партизан. В нашем доме остановились четыре немца. Запомнила их добрыми и совестливыми. Когда они получали посылки из Германии, угождали нас, девчонок, конфетами, приговаривая: «Матка, гут. Карошо». Может, вспоминали своих детей, оставшихся на родине...

До 1943 года жители деревни и молодежь работали на полях, сеяли и убирали урожай. По зиме согнали немцы молодежь на площадь и объявили: необходимо готовиться к работам по расчистке дорог от снега, запастись сменой белья и продуктами на трое суток. Мы и не думали, что эти временные работы растянутся на два долгих года...

Через несколько дней нас вывели на дорогу, ведущую на Вязьму, отряд, человек семьдесят, и – под конвоем с собаками. Ночью идем, днем работаем – расчищаем железнодорожные пути.

К весне стали рыть окопы. Питались чем придется. Ночевали под открытым небом.

На белорусской земле опять рыли противотанковые окопы. На четыре дня выдавали буханку хлеба и немного просаенной муки. Просить еду у местных жителей бесполезно – помогаем, мол, оккупантам. Помню, однажды дали нам, девчонкам, постоялец одной из хат, немец, буханку хлеба, намазанную тушеною. Праздник для нас...

Рыли мы и траншеи, и окопы на украинской земле, тщательно их маскируя. Копали только ночью. Зимой долбили кирками и ломами щебенку с камнем. Сильно мерзли: одежды практически никакой, а обувь сносилась.

Под канонаду 1945 года шли к границе сами: конвоиры поразбежались. На пересыпочном пункте Вислы задержаны работниками НКВД на месяц. Нас допрашивали и фильтровали на благонадежность. Домой на родину добирались больше месяца с «сухим пайком» – сухарями, рассчитанными на 12 дней.

Теперь всем миром предстояло поднять колхоз. Меня и еще несколько девчонок отправили за 12 километров от дома добывать торф. Зарабатывали 600 граммов хлеба в день. За неделю накоплю хлебушка – везу сестрам и маме.

За ударный труд премировали отрезом на плаТЬе и шерстяной кофточкой...

Записала БЭЛЛА ВАЛИТОВА,
сотрудник детской станции туристов.